

Хоть тайный путь ежовый был нехожен,
И в небесах кружило воронье,
Бесстрашно шел в туман отважный ёжик,
Пусть с маленькой, но гордой буквы "ё".

Взбираясь вверх и вниз спускаясь с горок,
Он шел сквозь мир почти глухонемой
И вглядывался сквозь туманный морок.
И вглядывался тот туман в него.

Весь мир страдал от измов, фобий, маний.
Звонил тревожно в колокол Пахом.
А ёжик шел в густеющем тумане,
Потрехивая старым узелком.

Не знать о нем никто не мог, хоть тресни -
Он был все время в сводках новостей.
Никитины о нем слагали песни,
Блокбастеры снимал о нем Норштейн.

Народ гадал, куда сей странный сталкер
Направился в тумане налегке.
И ставил целый мир большие ставки -
Что там, внутри, в ежовом узелке.

Гадали все. Но что всего досадней,
Не изрекали мудрые уста:
Кто ёжик - Апокалипсиса всадник,
А может, инкарнация Христа.

Туман густел, и в мире беспокойном,
Казалось, нет серьезных больше дел.
А ёжик шел, и затихали войны,
И даже доллар где-то дешевел.

Не то, чтоб он такой уж был хороший,
Не то, чтоб смерть была уже близка,
Но ёжик знал - в тумане бродит лошадь,
И он ее обязан отыскать.

В туман шел ёжик, шлепали калоши,
От узелка болела вся спина...
Он все искал потерянную лошадь
И верил, что отыщется она.

Кукла

Ряд нитей – от запястий, ног, макушки...
Никак их от себя не оторвать.
Ведь ты марионетка, ты игрушка,
Что без чужой руки всегда мертва.

Она легонько вверх потянет нити –
Поднимешь руки, выполнишь поклон...
Смешная кукла в узелке событий,
Висящая на нитях.
Грустный клоун.
И веселится публика, едва лишь
Начнется пьеса, призрачно легка...

Ты под рукой умелой оживаешь.
И для тебя то – божия рука.
Мелькнет твоя улыбка в маске грусти
И радость - сквозь зависимость и боль.

Но эти руки вновь тебя отпустят,
Поглубже положив на антресоль.
И без тебя пойдет другая драма,
Расцвеченная яркой кистью дня,
Пока тебе лежать средь кучи хлама,
Тепло ладоней призрачных храня.

Сансарыч

Отмотавший три круга сансары,
Получивший ещё за труды,
Из пивнушки выходит Сан Саныч -
Всем известный здесь местный колдырь,
Не сторонник особых приличий,
Современный бомжарый Толстой...
Все его тут Сансарычем кличут.
Только мало кто помнит, за что.
Он нетрезв нынче круглые сутки,
Ссыт в подъездах чужих под шумок.
А когда-то Алмазную сутру
Наизусть декламировать мог.

Все, что было, уже и не важно -
Пустотою стоит в сердце ком.
Он пивную бутылку, как ваджру,
Воздевает глоток за глотком,
В мировую помойку заброшен,
Словно мусорный рваный пакет.

Все тошнит его притчами Джошу,
Бодхисаттвой все колет в виске.
Он беззлобен и мягок как будто.
От разборок и ссор в гаражи

Убегая, частенько, как Будда,
Всё в шавасане тихо лежит.

Если трезв, иногда пацанятам
Или тем, кто его не избег,
Говорит языком непонятым
О горящей какой-то избе.
То Басё прочитает в тоске им,
То увидит себя в стрекозе...
По банкетам растратив Банкея,
Обретает свой маленький дзэн.
И хоть это покажется странным,
Узнает в нем себя стрекоза.

Золотится сияньем нирвана
В водянисто-зелёных глазах...

